АНАТОЛИЙ МУЗИС

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ

ИЗ РАССКАЗОВ ГЕОЛОГА

Анатолий Музис

Первооткрыватели. Из рассказов геолога

«Издательские решения»

Музис А.

Первооткрыватели. Из рассказов геолога / А. Музис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966534-8

Над заснеженной сибирской тайгой непогода, пурга. Самолет аэрогеофизической съемки терпит бедствие и вынужден сесть на вынужденную. На помощь спешат два наземных отряда и легкий ПО-2. А в базовый поселок приезжает специалист по наземной геофизической съемке. Работы нужно продолжать…

ISBN 978-5-44-966534-8

© Музис А.
© Издательские решения

Содержание

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ 6
ГЛАВА ПЕРВАЯ 7
1 8
2 10
3 11
4 12
5 13
ГЛАВА ВТОРАЯ 16
1 17
2 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Первооткрыватели
Из рассказов геолога

Анатолий Музис

Геолог. Редактор и оформитель книги Виктор Музис

© Анатолий Музис, 2023

ISBN 978-5-4496-6534-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ

Опубликован в ж-ле «ОКТЯБРЬ» №2 1950 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

В марте небо уже синее, но морозы еще держат землю и тайга стоит запушенная до самых верхушек. И погода в марте переменчива. То сияет ослепительно-яркое солнце и такая тишина, что упадет снежный ком с ветки и по лесу гул катится, а то налетит пурга, закрутит снегом и до весны не найти следа. Не выходит в такое время человек, хоронится зверь и птица.

Что же понадобилось в этот день самолету, ревом двух моторов силящегося перекрыть рев пурги?

Они летели низко. Стеклянная кабина пилота была плотно облеплена снегом и штурман, сдвинув боковые стекла, напряженно всматривался в проносившиеся под ними вершины гигантских елей. Снег забивал ему лицо.

– Прижмет нас, – хриплым голосом говорил он не поворачивая головы.

– Смотри лучше, – отвечал пилот. Он допустил ошибку. Надо было повернуть сразу, а им захотелось закончить маршрут. Теперь они пробиваются вслепую. Ни высоты, ни видимости.

В кабине магнитолога тоже было не лучше. Штурман уже давно перестал подавать ориентиры и вести дальнейшую съемку стало невозможно. Марина выключила магнитометр и подошла к кабине пилотов. Она хотела спросить, как дела, но, взглянув на фигуры пилота и штурмана, промолчала.

Когда на вопрос Шолоха: «Не вернуться ли?», она сказала, что хорошо бы закончить маршрут, она совсем не предполагала такого оборота. В полете она всегда была занята только показаниями магнитометра. Ее покорял этот маленький прибор, позволяющий с высоты определять наличие скрытых в земле магнитных пород и она никогда не думала, что их полеты могут кончиться катастрофой.

Вдруг темный массив тайги прорезала светлая полоса.

– Земля! – крикнул Гостев.

– Вижу.

В вытянутых руках Шолоха собралось все напряжение полета.

– Все в хвост! – еще раз крикнул он.

Гостев соскочил со своего места и побежал первым. Марина бросилась за ним и в этот момент самолет коснулся земли.

Толчок, треск. Снова толчок… Марина упала. Она ударилась головой о магнитометр и покатилась к пилотской кабине. За ней, гремя, катились ведра, воронки, гаечные ключи. Отбиваясь от них, она вскочила на ноги. Гостев уже стоял. Он уцепился за поперечную распорку и имел вид человека забравшегося под потолок.

– Сели! – крикнул он.

У Марины дрожали ноги. Ей казалось, что и самолет тоже вздрагивает. Из пилотской кабины выбирался Шолох. Дверца была наклонена и походила на узкую, почти горизонтальную щель. Он вылез и встал осторожно, словно пробуя ногами крепость пола.

– Самоубийство, а не посадка, – сказал он. На его одутловатое лицо медленно возвращалась краска.

У Марины кружилась голова. Вздрагивающими пальцами она расстегнула ремешки под подбородком и сдернула шлем. В голове у нее загудело, как будто ударили в колокол. Она даже вскрикнула.

– Здорово тебя, – сказал поворачиваясь к ней Шолох. – Коля, аптечку!

Гостев попытался открыть наружную дверь и в самолет ворвались ветер и снег.

– Пурга…

– Аптечку! – крикнул Шолох.

Марину начало трясти. Мелкая противная дрожь поднималась от ног и расходилась по всему телу. Она плотно сжимала зубы. Ей казалось, всем слышно, как они стучат.

– Терпи, терпи… – приговаривал Шолох, когда она вздрагивала особенно сильно.

Наконец он выпустил ее голову. Она потрогала пальцем. Вместо привычной мягкости волос – тугие, шершавые бинты.

– А ведь все было так хорошо…

Слезы подступили у нее к горлу. Она опустилась на пол самолета и закрыла лицо руками.

2

А на базе в это время маленький и вихрастый радист Сережа тщетно взывал в эфир.

– Буря! Буря! Буря! – повторял он. – Я Орел. Я Орел. Даю настройку. Раз, два, три, четыре, пять; пять, четыре, три, два, один. Буря. Буря. Я Орел. Я Орел. Прием.

Он щелкал переключателем и склонялся к рации, словно в таком положении мог скорее услышать не отвечающую ему «Бурю».

Рядом с ним облокотился на стол Федор Васильевич, начальник Экспедиции. Он уже свыше четырех часов сидит прижимая к уху трубку наушника. Потеря самолета и опасения за жизнь людей, среди которых была и сестра, пригнули его высокую фигуру.

– Буря. Буря. Я Орел. Я Орел…

И снова шорохи, попискивания, позывные чужих станций. «Буря» не отзывалась.

– Попробуем еще ключом, – сказал радист и тоже надел наушники. Застучала морзянка.

За тонкой перегородкой, в конторе, переговаривались люди. Хлопнула входная дверь, чей-то голос спросил:

– Саша, дай закурить.

– Покурили, хватит.

– Вот спасибо, еле выпросил, – громко сказал первый голос. Кто-то засмеялся, кто-то шикнул.

– Скажите, чтобы потише и попросите Орлянкина зайти, – не оборачиваясь сказал Федор Васильевич.

Сидевший за его спиной комендант вышел. Голоса за стеной смолкли, а на рацию вошел молодой парень в штатском. Он посмотрел на Федора Васильевича и тот, как будто его спрашивали вслух, ответил:

– Плохо, Саша. Плохо. Завтра, если утихнет, придется лететь искать. У тебя как?

– В любую минуту, Федор Васильевич.

– Ну, хорошо. Будь наготове.

Радист продолжал звать не отзывающуюся «Бурю».

3

Когда Марина проснулась, солнце заливало всю кабину. В самолете никого не было. Через раскрытую дверь виден был кусок неба и слышались голоса:

– Хотел бы я знать, – раздраженно наскакивал голос Гостева, – какого черта мы забыли в этой дыре?

– Никто тебя не тянул, – возражал ему Шолох. – Сам ехал.

– Сам, сам… Ехали, золотые горы обещали, а теперь сиди, вот…

– Ты все равно, как с луны свалился, – сказал Шолох и полез в самолет. Он лез через люк пилотской кабины и Марина подумала, что дело плохо, если самолет лежит носом на земле.

– Я не знаю, откуда я свалился. Я не знаю даже, куда я свалился, – продолжал кричать за его спиной голос Гостева. Не отвечая ему, Шолох протиснулся в фюзеляж.

– А, проснулась, – сказал он. – Как чувствуешь себя?

– Не вылетим? – вместо ответа спросила Марина. По его лицу она старалась угадать истинное положение вещей.

– Как тебе сказать… – Он не смотрел ей в глаза. – По такому снегу не подняться, да и…

Она откинулась обратно на чехлы.

– Ты что, Марина?

– Так, голова что-то опять кружится.

Ее знобило. Она натягивала чехлы до самого подбородка, но они промерзли и не гнулись. От них веяло холодом. Даже серебристая обшивка самолета и та, казалось, излучает холод.

Влез Гостев и достал бортпаек.

– Жаль, спирт весь уже выпили, – сказал он срывая пломбу. У него был совсем другой голос, чем когда он говорил снаружи. – Ну, ничего, вот только выберемся отсюда…

Он так и замер, не досказав, что будет, когда они отсюда выберутся. Издалека донесся знакомый гул мотора.

Шолох вскочил. Он пробежал по наклонному полу самолета и одним рывком выбросил свое сильное тело через дверцу. Следом за ним, так же стремительно, выскочил и Гостев.

Гул нарастал.

Марина приподнялась и смотрела в окошко. Их самолет лежал зарывшись носом и наклонясь на правый бок. Левое крыло его торчало кверху, как рука утопающего, а Шолох и Гостев барахтались рядом в снегу и, махая шлемами, кричали:

– Э-эй… Э-эй…

Но самолет ровно, не меняя курса, прошел стороной и они сразу поникли.

– Орлянкин пролетал, – сказал Шолох, когда они вернулись. – Нас ищет.

– Не увидел он нас? – с робкой надеждой спросила Марина.

– Не увидел, – сказал Гостев. – Да разве увидишь. Окраска-то серебряная. – И вдруг засмеялся. – А мы-то ему кричали, а?..

4

Орлянкин предполагал, что Шолох, потеряв ориентировку, выйдет к реке и по ней будет искать Медвежий Угол, но за рекой начинались большие превышения и Шолох, боясь проскочить реку в сильном снегопаде, предпочел взять курс прямо на базу. Поэтому, обшарив всю прибрежную полосу, Орлянкин так и не нашел их в первый день поисков, но во второй день, начав облет по трассе полетов, он, безошибочным взглядом штурмовика, привыкшего распознавать замаскированные самолеты и танки противника, сразу разглядел распластанную на снегу серебряную птицу Шолоха.

Он спикировал и помчался почти прижимаясь к бликующему снегу. Солнце насквозь просвечивало долину. Он увидел, как из самолета вывалились два человечка и увязая по пояс отчаянно замахали ему. Он накрыл их своей шумной тенью, развернулся на крутом вираже и снова с ревом промчался над ними. Он кидал самолет кверху и книзу, махал ответно рукой и даже сделал две «бочки». По случаю такой радости он был уверен, что Федор Васильевич не вкатит ему очередного нагоняя за «фокусы». И действительно, когда он заглянул в переговорное окошко, то увидел, что лицо Федора Васильевича снова помолодело.

Потом они выкинули им пакет и кружились, наблюдая, как одна фигурка барахталась в снегу, пытаясь дотянуться до него, а вторая, подняв обе руки кверху, потрясала ими в приветственном жесте. И Сашка Орлянкин целый бы день кружил над ними, если бы в переговорную трубку не услышал отрезвляющий голос Федора Васильевича:

– Давайте к Битюгову.

5

Снегу навалило…

Дмитрий Битюгов очищал проходы от жилья к буровой, когда из-за лесного горизонта вынырнул маленький связной самолет экспедиции. Битюгов разогнул взмокшую спину и, приставив к глазам козырьком ладонь, наблюдал, как он кружил над поляной. Рабочие, тоже побросав лопаты, смотрели в небо. В плавных заходах самолета чувствовалось, что пилот не впервые летает здесь, но на этот раз он как будто к чему-то примеривался. И вот полоснула по воздуху красная лента вымпела и, разрезав яркую синеву неба, воткнулась в снег.

– Хорош глазомер у Орлянкина, – подумал Битюгов, освобождая привязанную к грузилу записку. Он пробежал ее глазами и задумался.

Он проработал в тайге одиннадцать лет. Два прииска, шахту, рудник и негромкую славу первооткрывателя оставил он на местах своих исследований, когда близ заимки Медвежий Угол он обнаружил крупное месторождение магнитного железняка. Два года он разведывал этот участок и с каждым годом перспектива месторождения расширялась. Он сообщил в Управление и весной, в ответ на его письмо, приплыли в Медвежий Угол двое. Одного он знал. Невысокого роста, уже склонный к полноте, с волосатыми руками и грудью, начальник буровых работ Иосиф Абрамович Померанец не один раз ставил вышки на местах его открытий. Второго он видел впервые. Высокий рыжеватый блондин с очень белой кожей и серыми с зеленцой глазами, он назвался Федором Васильевичем Васильевым, начальником Комплексной изыскательной экспедиции и показал ему приказ Управления, по которому и он, и Померанец, включались в эту экспедицию до полного выявления объема и запасов найденных здесь железных руд.

Кроме того, значилось далее в приказе, в целях быстрейшего продвижения работ, экспедиции придавалась аэромагнитная группа, оснащенная новейшими приборами по магнитной разведке. Он не знал этих приборов и появление их воспринял как недоверие к его работе. Но самым абсурдным показалось ему летать с ними на самолетах. Он обжился в тайге, как медведь, который изредка выходит из чащи, чтобы взглянув, что делается за кромкой леса, уйти обратно; оброс мускулатурой и бородой, взгляд его стал зорок, слух чуток. Всем обликом своим он являл теперь настоящего лесного жителя. И он знал тайгу.

Тайга

Она покрывала землю – сплошь. Только вода и камень были свободны от нее. Старатель уходил в тайгу и о нем боялись думать. Его было не дозваться, не найти. Проходил срок и он выходил из чащи также внезапно, как и поглощался ею. Бывало, что он и не возвращался. Тайга стояла темная и глухая. Самые сильные ветры могли выворотить ее с корнем, но не нарушить ее молчания. Никто не мог сказать, почему она не отпустила от себя человека.

И вот он стоит и держит в руках записку, в которой говорится, что в 40—50 километрах (карта прилагалась) потерпел аварию самолет и ему предлагается немедленно выйти к потерпевшим для оказания первой помощи.

Марина чувствовала себя недостаточно хорошо, чтобы последовать за Шолохом и Гостевым, и, как и вчера, наблюдала за прилетом Орлянкина через окошко. На мгновенье она увидела даже брата. Он сидел на втором месте и махал рукой.

Когда они улетели, она снова откинулась на чехлы, слыша, как за стеной Гостев пытается добраться до пакета, поминая и бога, и черта, и проклятый снег, который не может выдержать даже порядочного человека.

Шолох влез за лопатами.

– Теперь они до нас доберутся, – сказал он. На его лице опять светилась улыбка.

К вечеру прокопали проход и достали пакет. В нем были хлеб, консервы и фляга со спиртом.

Гостев сразу потянулся за ней.

– Что-то в горле сухо.

– Это не вода, – засмеялась Марина.

– Разве? – Он опрокинул стаканчик и крякнул. – Кха, в самом деле, спирт.

Дали выпить и Марине. Она закашлялась. На глазах выступили слезы. Она и смеялась и плакала.

– Я знал, что они найдут нас, – говорил Шолох. – Сашка пилот классный. У него только высота не в почете. Недаром все зубы выбиты.

Марина почувствовала себя значительно лучше. Она много смеялась и потом сразу заснула. А ночью у нее начался жар. Ей казалось, что кто-то ходит вокруг самолета и стучит, пытаясь войти внутрь.

– Кто? Кто пришел? – в один голос допытывались Шолох и Гостев.

Марина приходила в себя. До ее сознания медленно доходил вопрос. Она устало откидывалась назад, закрывала глаза и шептала:

– Он.

– Бредит, – говорил Гостев.

В самолете было темно и тихо. Шолох и Гостев сидели прислушиваясь к ее прерывистому дыханию.

– Пока придут, как бы чего не случилось с дивчиной, – глухо и тревожно в темноте сказал Шолох.

Перед рассветом Марина проснулась еще раз. Шолох и Гостев спали. Ей снова показалось, что кто-то ходит вокруг и ищет дверцу. Боясь разбудить их, она поднялась. Ноги не слушались ее. Подниматься по наклонному полу самолета было также тяжело, как идти в гору. Она задела Шолоха.

– Ты что? – спросил он и сразу поднялся.

– Там кто-то ходит.

– Нет никого, тебе кажется. Спи.

– Нет, там кто-то ходит. Ты послушай.

Гостев тоже поднял голову. Они все трое прислушались.

– В самом деле, там, кажется, кто-то есть, – сказал Гостев.

– Зверь какой-нибудь, – уже не так уверенно возразил Шолох. – До базы не меньше двухсот километров. Они не могут так скоро.

Все же он подошел к дверце и распахнул ее. Луна заливала снег спокойным синим светом. Долина, окаймленная черным лесом и поблескивающими скалами, была сказочно красива.

– А хорошо все-таки, – вздохнул он. – Умирать не надо…

И в это время послышался крик. Он высунулся и увидел, как через небольшой бугор, закрывавший от них выход из долины, спускается огромная человеческая фигура, в малице, озаренной, как сиянием, светом луны.

И, быть может, в первый раз за все время у него задрожали ноги. Он прислонился к двери и прошептал:

– Люди.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Аркадий Горин приехал в Медвежий Угол ночью. Прошумевшая пурга замела дорогу. Сугробы громоздились, как горы и ему с попутчиком авиатехником то и дело приходилось соскакивать в снег и вытаскивать застревавшие сани.

В темной конторе, которую они с трудом отыскали, никого не было. Лишь в боковой комнатке сидел старик в грязном свитере, похожий на сторожа.

Он подкладывал в огонь чурки и пламя озаряло его худую согнутую фигуру.

Печка-буржуйка

– Здесь экспедиция? – спросил Аркадий.

– Здесь, однако, – сказал старик, поворачивая к ним темное морщинистое лицо. – А вы откуда будете?

– Из тех ворот, откуда весь народ, – ухмыльнулся спутник Аркадия. – Ты скажи, папаша, где нам определяться?

– А здесь и определяйтесь пока, – старик махнул рукой. – Вот начальство приедет, тогда…

– Порядок правильный… – присвистнул авиатехник и направился к лавке. По полу протянулся за ним мокрый неровный след.

– А могу я увидеть начальника экспедиции? – спросил Аркадий.

– Нет его, – повторил старик и пошевелил кочергой в печурке. – Да и что вам беспокоиться, однако. Найдете завтра завхоза, станете на довольствие…

– Мне нужен начальник экспедиции, – настойчиво сказал Аркадий.

– Нет его, – повторил старик. – У нас тут самолет разбился, они и выехали. А вы что, знакомый ему или кто?

– Знакомый, – сказал Аркадий.

Он рассеянно разглядывал комнату. Темные бревенчатые стены, топчан, покрытый медвежьей шкурой. Авиатехник возится на скамейке, пытаясь одновременно и накрыться шинелью и подстелить ее под себя. На столе, рядом с керосиновой коптилкой, хлебные крошки и большой охотничий нож.

– Нет его, – в третий раз повторил старик и, как будто спохватившись, добавил, – Да вы садитесь, однако. В ногах правды нету.

Аркадий придвинул к огню чемодан. Тело ныло. Ноги были мокрые. Он особенно чувствовал это, когда шевелил пальцами внутри ботинок.

– «Я погреюсь немного и пойду», – подумал он. Но вставать не хотелось. Он не знал, как встретит его Васильев. Они действительно были знакомы по научно-исследовательскому институту, где Аркадий разрабатывал проблемы наземной магнитометрии, а Васильев – воздушной. Их называли «принципиальными противниками». Но Васильев был старше и уже имел ученую степень кандидата и Аркадий ни за что не приехал бы в его экспедицию, если бы не Марина. С ней, при ее отъезде, тоже получилось не совсем хорошо, но, возможно, это даже к лучшему, что Васильева нет. Можно будет сразу поговорить с ней. Он скажет, что их размолвка была просто ошибкой, что она просто не так поняла его. Он вовсе не отказывался ехать. Он хотел только закончить аспирантуру. Ну, разумеется, он так и скажет и не останется никаких недоразумений.

Ему представилось. как обрадуется увидев его Марина и он улыбнулся. Он только чуть-чуть еще погреется и пойдет.

И он хотел уже спросить, где живет Федор Васильевич, когда стукнула дверь и на пороге появилась запорошенная снегом фигура.

– Калганыч, – сказала фигура. – Начальник баньку просит сготовить.

– Что же, он здесь? – удивился Аркадий.

– Приехал, стало быть, – невозмутимо сказал Калганыч, поднимаясь и натягивая полушубок. – Идемте, я вам покажу.

2

Васильев встретил его удивленным возгласом:

– Ба! Принципиальный противник! Какими ветрами?

– Добрыми, добрыми, – поспешил сказать Аркадий. – Осенью защищаю диссертацию. Приехал собрать кой-какие материалы и поработать.

– Ну, ну. Проходите, знакомьтесь.

За столом, накрытым голубой скатертью, возле поблескивающего коричневым лаком радиоприемника, сидели двое. Еще раздеваясь, в передней Аркадий увидел их меховые куртки. Две двери вели в боковые комнаты. Как он догадывался, это были комнаты Васильева и Марины. То, что ее не оказалось в большой комнате было Аркадию неприятно. Впрочем, ничего удивительного. Время позднее и она, наверное, уже спит.

Он подошел к столу.

Плотный коренастый человек с немного одутловатым лицом приподнялся и протянул руку.

– Шолох, – просто сказал он.

– Штурман Гостев, – отрекомендовался другой, худощавый.

– Очень приятно, – сказал Аркадий. – Горин, инженер-геофизик.

Федор Васильевич разжигал спиртовку.

– Сейчас согреемся. Мы, видите ли, сами только что приехали. Рассказывайте пока, что у вас там на Большой земле.

После темноты улицы и коптилки Калганыча десятилинейная лампа казалась солнцем. Аркадий сидел вытянув под столом ноги. Холод выходил из него мурашками и он, впитывая тепло, как наслаждение, говорил:

– О чем же вам в первую очередь… Международные события вам, наверное. самим известны по радио и из газет, а из таких, так сказать, будничных… В институте расширили лабораторию радиолокационных исследований. Вы знаете, это просто замечательная мысль – определять породу путем разности отправленной и отраженной от нее волны. Я сам разрабатывал некоторые положения и диссертацию пишу тоже на эту тему…

Начав медленно, он постепенно повышал голос и теперь говорил уже нарочито громко, надеясь, что Марина услышит его и проснется. Но за дверьми было тихо. Гостев крутил рычажки, ловя далекую станцию. Федор Васильевич доставал из шкафчика рюмки.

– Это все очень интересно, – сказал он, – но у нас в основном магнитная разведка. Вы ведь знаете это?

– Знаю, – сказал Аркадий. – Тем интересней будет сравнить результаты двух методов.

– Вы очень, очень кстати приехали, – сказал Васильев и Аркадий вдруг увидел, что он думает о чем-то своем. – Давайте. За Ваш приезд!

В комнату ворвались звуки далекой музыки.

– Поймал, все-таки, – сказал Гостев и потянулся за рюмкой. – Будем здоровы.

Они все устали и были голодны и на короткое время в комнате воцарилось молчание. Только музыка звучала совсем по домашнему и Аркадию казалось, нет позади длинной и трудной дороги. Просто он заглянул сюда, как обычно к Марине. Она сейчас выйдет и будет совсем хорошо.

Хмелея от сытости, тепла и вина, Аркадий смотрел на Васильева и все больше удивлялся их сходству. Такая же, как у нее, мягкая белая кожа, такие же серые с зеленцой глаза. Только волосы у него светлее, совсем золотистые. «Золотой золотоискатель» – засмеялся он на невольно пришедшее сравнение и спросил:

– А Марина что, спит?

Все трое переглянулись.

– Марина? – переспросил Федор Васильевич. – Да, Вы ведь еще не знаете. У нас, видите ли, произошла авария…

– Что?

Аркадий перегнулся вперед. Его пальцы, стиснув край стола, побелели.

– Что с ней?

– Пустяки, – сказал Гостев. – Поцарапала голову.

Аркадий смотрел на Васильева.

– Вылетели на магниторазведку, – сказал он, – попали в пургу. Впрочем, перед вами очевидцы, они могут рассказать лучше.

– Что же тут рассказывать, – сказал Шолох. – Все это произошло… Ну, как в авиации происходит…

Он безнадежно махнул рукой. У Васильева лежала радиограмма из управления с отзывом его и хотя Васильев сказал, что «он еще посмотрит», ему было не до объяснений.

– Вот видите! – вскричал Аркадий. – Вам ведь говорили, что опасно, нереально в этих условиях, рискованно.

– Мы на фронте и не так рисковали, – сказал Гостев.

– Так то же фронт, война. А здесь мы не имеем права подвергать людей риску. Я тысячу раз был прав, когда отстаивал наземную магнитометрию.

– Темный Вы человек, Аркадий, – с сожалением сказал Федор Васильевич. – Как в лесу, все равно.

– Мы и есть в лесу.

– Не мы, а вы в лесу. Вот, как Битюгов. Есть у нас такой геолог. Специалист, умница, а дальше своего леса тоже ничего видеть не хочет. Двенадцать лет в тайге просидел, шерстью зарос, о технической литературе позабыл, что существует такая, а вот также как вы твердит: – Только наземная разведка, только наземная разведка… А и вы, и он, и все прочие кто так говорит, забываете о грандиозном объеме и масштабе работ, ведущихся в стране. И к нам, изыскателям, тоже предъявляются новые требования. Мы должны давать больше, лучше, быстрее. А чтобы получить новые результаты, нужны новые средства. Нужна новая техника, новая методика, новый образ мышления. Ради всего этого имеет смысл идти на некий производственный риск. Авария – не доказательство нашей несостоятельности. Еще не созданы необходимые для этой работы типы самолетов, не разработана в достаточной степени техника безопасности полетов, сам магнитометр требует улучшений. Но ведь все это детали. Мы только начинаем. Надо работать и помехи будут устранены…

Васильев говорил, но Аркадий уже почти не слышал его. Он думал о Марине.

– Где же она теперь? – спросил он, когда Васильев кончил.

– Марина? Она у Битюгова. Это тот геолог, что пришел за ними.

– Почему же вы не привезли ее? – почти выкрикнул Аркадий.

– Да ей и там не плохо, – сказал Гостев.

– Видите ли, – поправил его Федор Васильевич, – ее еще нельзя было перевозить, но опасность в общем миновала. Мы оставили с ней женщину. А Вас, – неожиданно закончил он, – я думаю, Вы не будете возражать, я попрошу на время заменить ее. У нас есть запасной прибор…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.